

т.-е. П. А. Валуеву (вмѣсто А. В. Головнина). Если прибавить къ этому, что необходимость особо-бдительнаго наблюденія за газетами успѣла уже тогда сдѣлаться руководящимъ принципомъ цензурнаго управленія, то мы получимъ ясное понятіе о подводныхъ камняхъ, посреди которыхъ сразу очутилась новая редакція. Уже въ концѣ перваго мѣсяца, если не измѣняетъ намъ память ¹⁾, В. Θ. получилъ отъ тогдашняго президента академіи наукъ негласное предостереженіе о неудовольствіи, вызываемомъ газетою. Положеніе дѣлъ усложнилось еще больше, когда въ томъ же мѣсяцѣ вспыхнулъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ. Мало того, что для всѣхъ сообщеній и статей, относившихся къ этому предмету, была установлена особая цензура, газетѣ стали вѣнчать въ вину самое ея молчаніе, отъ нея стали ожидать, почти требовать, чтобы она говорила въ извѣстномъ смыслѣ и извѣстномъ тонѣ. Пассивное противоудѣйствіе этимъ требованіямъ—объ активномъ скоро нельзя было и думать—заставляло опасаться каждую минуту за существованіе редакціи. Чѣмъ сдержаннѣе она, по необходимости, относилась къ жгучему вопросу минуты, тѣмъ больше овладѣвалъ вниманіемъ читателей громкій, торжествующій голосъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Одна часть публики, увлекаемая теченіемъ, начинала упрекать петербургскую газету въ недостаткѣ патріотизма; другая досадовала на ея недомолвки, на ея кажущуюся безцвѣтность, не вникая въ причины, вслѣдствіе которыхъ ей приходилось дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Будущему историкъ этой эпохи предстоитъ сдѣлать сравнительную оцѣнку тѣхъ противоположныхъ направленій, выраженіемъ которыхъ явились, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, органы В. Θ. Корша и г. Каткова. Онъ приметъ, конечно, въ соображеніе крайнее неравенство условий, въ которыя они были поставлены; онъ не забудетъ, что на категорическія утвержденія и бездеремонный крикъ одного, другой могъ отвѣчать только шопотомъ, намеками, полу-словами. Такіе факты, какъ запрещеніе „Времени“ за статью г. Страхова (!), помогутъ ему понять, до чего была доведена тогда свобода мнѣній по „роковому вопросу“. Взвѣсивъ все это, онъ найдетъ, быть можетъ, что умѣрять разгорѣвшуюся страсть было дѣломъ болѣе полезнымъ и почтеннымъ, чѣмъ разжигать ее, что въ подливаніи масла на огонь не предстояло никакой надобности, что положеніе вещей не требовало бранныхъ пѣсней Тиртея. Онъ скажетъ, быть можетъ, что образъ дѣйствій В. Θ. Корша въ 1863 г.—или, лучше сказать про-

¹⁾ Пишущій эти строки принималъ постоянное участіе въ трудахъ редакціи „Сиб. Вѣдомостей“ съ 1863 по 1865 г.